ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В СВЕТЕ ЭВОЛЮЦИОННО-СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Андреева Ю. А.

старший преподаватель кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д.66, yulia.andreeva@uapa.ru

Скоробогацкий В. В.

доктор философских наук, профессор, заместитель директора Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д.66, vyacheslav.skorobogatsky@uapa.ru

УДК 1:321.01
ББК 66.033.1

Цель. Анализ проблемы государственности в свете новой парадигмы социальной эволюции.

Методы. В основу авторской позиции положены институциональный подход в трактовке Д. Норта, синергетическая концепция И. Пригожина и формирующаяся в последние годы новая парадигма социальной эволюции.

Результаты. В статье дается оценка системно-структурного и культурно-исторического (цивилизационного) подходов к проблеме государственности, сложившиеся в рамках советского обществовознания и получившие распространение в постсоветский период. На основе реконструкции концептуально-методологического контекста проблемы государственности предлагается рабочее определение государственности как институциональной инфраструктуры исторических форм организации власти, возникающей в ситуации перехода от родового строя к цивилизации и выполняющей функцию движущего начала исторического становления и развития последней.

Научная новизна. Осуществлена реконструкция концептуально-методологического контекста проблемы государственности, раскрыты факторы идеологической деформации и догматизации теоретического и методологического содержания проблемы государственности, дано определение государственности, которое может быть положено в основу междисциплинарного исследования проблемы средствами политологии, истории, социальной философии, юриспруденции, истории культуры.

Ключевые слова: государство, новая парадигма социальной эволюции, синергетика, политическая власть, государственность как институциональная инфраструктура.

THE PROBLEM OF THE RUSSIAN STATEHOOD IN THE LIGHT OF THE EVOLUTION-SYNERGETIC APPROACH

Andreeva Yu. A.

senior lecturer of the Public Administration and Political Technologies Department of the Ural Institute of Management – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 66, 8 Marta str., Ekaterinburg, Russia, 620990, yulia.andreeva@uapa.ru

Skorobogatsky V. V.

Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director of the Ural Institute of Management – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 66, 8 Marta str., Ekaterinburg, Russia, 620990, vyacheslav.skorobogatsky@uapa.ru

Purpose. The problem of statehood is analyzed in the light of the new paradigm of social evolution.

Methods. Institutional approach in the interpretation by D. North, synergetic concept by I. Prigogine and the emerging in recent years new paradigm of social evolution form the basis of the authors' position.

© Андреева Ю. А., Скоробогацкий В. В., 2015

Results. The article provides assessment of the system-structural and cultural-historical (civilized) approaches to the problem of statehood, developed in the framework of the Soviet social study and widely spread in the post-Soviet period. On the basis of the reconstruction of the conceptual-methodological context of the statehood problem a working definition of the statehood as institutional infrastructure of historical forms of power organization is given emerging in the situation of the transition from the tribal system to civilization and operating as the driving start of the historical formation and development of the latter.

Scientific novelty. The conceptual-methodological context of the statehood problem is reconstructed, factors of ideological deformation and dogmatization of the theoretical and methodological contents of the statehood problem are disclosed, a definition of statehood is given, which can form the basis of the interdisciplinary research of the problem through the means of political science, history, social philosophy, jurisprudence and history of culture.

Key words: state, new paradigm of social evolution, synergy, political power, statehood as institutional infrastructure.

Концептуально-методологический контекст проблемы российской государственности

Неэффективность – едва ли не главная характеристика нынешнего состояния государства, ставшая общим местом в критических оценках его действий за последние тридцать лет, начиная с перестройки. Она устойчиво воспроизводится при всех политических режимах, вопреки неоднократно предпринимавшимся в эти годы попыткам реформировать устройство государства, механизм функционирования государственной власти, систему управления. Стабильно проявляющаяся неэффективность государства влечет за собой серьезные политические издержки, в том числе, низкий уровень легитимности всей политической системы за исключением, пожалуй, института президента. В поисках оснований легитимности государственной власти, а также модели государственного устройства, отвечающей так называемому национальному менталитету и историческим традициям, все чаще обращаются к феномену российской государственности.

С самого начала надо отметить, что это обращение вызвано в большей степени политическим заказом, чем собственно внутренней логикой науки о государстве. К этому надо добавить в качестве существенного замечания, что государствоведения как такового в структуре отечественной науки не существует, а его потенциальное тематическое пространство (предмет) и проблематика «распределены» между несколькими дисциплинами (теория государства и права, политология, социология, история). Каждая из них опирается на специфическую теоретико-методологическую базу, более того – принадлежит различным научным парадигмам. Но даже внутри каждой из них (за исключением, может быть, теории и истории государства и права) соседствуют и конкурируют различные, порой противоположные дискурсы. Этим обусловливается не только внутри- и междисциплинарная разноязыкость концептуальных подходов и программ, но и спорадический характер (фактически – отсутствие) диалога и обмена результатами научного поиска с последующим признанием некоторых из них в качестве безусловных приоритетов. Наличие общепризнанных результатов – фактор, который, как правило, задает относительное единство тематического пространства, определяет современное состояние и уровень исследований и их приоритетные направления. К сожалению, для отечественной науки о государстве характерна иная ситуация; она представляет собой разрозненный комплекс подходов и концепций, объединяемых лишь формальной принадлежностью к объекту исследования. Отсюда вытекают и особенности образов государственности, складывающихся в этом столкновении дискурсов.

Феномен российской государственности рассматривается в литературе преимущественно в историческом плане, в качестве расширительного образа государства как такового, взятого в отвлечении от конкретных форм, которые оно получало в определенные периоды истории. Отсюда – несамостоятельный и размытый характер понятия государственности, используемого, по сути, в роли синонима государства, взятого в специфическом (историософском) контексте: история, цивилизация, Россия и Запад, евразийская (или какая-то иная, но непременно особая [1, 36–37]) «природа» России. Эта концептуальная рыхлость понятия государственности находит свое продолжение и выражение в идейной пестроте и разбросе «образов России» и, соответственно, в научной непроработанности, слабости методологических подходов к ее исследованию, в широком проникновении в пространство научных исследований разного рода идеологических конструктов.

Большинство из этих работ имеют откровенно идеологический характер, следуют устоявшейся традиции непримиримого противостояния сторонников консервативного почвенничества, с одной стороны, и радикального обновления, с другой [2, 3, 4, 5, 6, 7, 8]. Строго говоря, их следует отнести к публицистически-пропагандистской периферии науки, точнее, к области научной «попсы», граничащей с оккультизмом и паранаукой и широко использующей приемы псевдоисторической

литературы в жанре «фэнтези». В максимальной степени это характерно для работ, появившихся в последние десять-пятнадцать лет в идейном русле, в котором соединились два различных с социальной и политической точек зрения потока: (1) недовольство происходящим со стороны массового человека и (2) скрытое сопротивление со стороны социальных групп, которые либо уже утратили либо рискуют утратить привилегированный статус в связи с кардинальными институциональными изменениями, заклейменными меткой «либерализма». (Парадоксально, но эти изменения, негативно оцениваемые большинством и подрывающие основы во многом еще советской реальности, придающие всему происходящему характер тектонического сдвига, не имеют, по сути, альтернативы. Запущенный реформами девяностых годов процесс перемен протекает во многом спонтанно, на всех уровнях социальной организации, неспешным и незаметным образом, порождая все новые и новые следствия. Он протекает без какого-либо серьезного противодействия и включает в себя кажущуюся оппозиционной фабрикацию идеологических конструкций и мифов. Их действительная функция – разрядка социально-психологических напряжений в массовом сознании и стабилизация социально-политической ситуации в обществе.)

Так вот, и тот, и другой поток – формы негативного реагирования на политические и экономические преобразования 1990-х годов и их глубинные следствия, но векторы стоящих за ними устремлений расходятся. Социальный протест массы при всей его эмоционально-чувственной непосредственности и взрывной силе рассеивается в политическом пространстве по многим причинам, в том числе и ввиду отсутствия языка, посредством которого он мог быть рационально осознан и выражен. Именно по данной причине масса становится заложником этой второй силы, которая берет на себя роль ее литературного (идеологического) вождя, представителя интересов массы перед лицом власти, способствуя сдвигу политического курса в сторону «патриотизма». Назначение большинства из указанных работ – обоснование «особого пути» России как альтернативы так называемым либеральным реформам. Сторонники же западнической ориентации находятся в идейном и теоретическом вакууме, апеллируя к сознанию образованного класса, переживающего заметный спад духовной и политической активности.

В работах же предыдущего этапа, которые имели академическую (с поправками на влияние советской школы) направленность, с определенной долей условности можно выделить две исследовательских позиции в анализе проблемы государственности – системно-структурный и культурно-исторический (цивилизационный) подходы.

В первом случае речь идет о выделении таких элементов государственности (публичная власть, территория, народ, система права, государственные институты и т.п.), благодаря которым можно очертить и зафиксировать феномен государственности в его внешнем выражении, в его функциональном бытии. На этой основе выработаны различные определения государственности:

1) публично-властный способ организации социально стратифицированного общества [9, с. 94],

2) система конституционно-политических институтов, выражающих исторически сложившуюся специфику того или иного государства [10],

3) государственно-правовая действительность [11, с. 250],

4) единый политико-правовой механизм [12, с. 28].

Их «общее место» – указание на правовые и политические институты как важнейшие признаки (составляющие) государственности, придающие государственной власти легальный и легитимный характер [13].

В рамках второго подхода государственность рассматривается как особое качество государства, своего рода «след» воздействия цивилизации на устройство и функционирование государственной машины – свидетельство зрелости государства, того, что ставшее на эту ступень развития государство отвечает своему назначению, своему понятию. Это – *качественное* состояние государства, достигшего соответствия с уровнем развития различных сфер жизни общества (общественные отношения, политические идеологии, право, экономика, культура и т.д.), которые оказывают существенное воздействие на формирование его общих черт и признаков [14, с. 14; 15, с. 5]. Рассматривая государственность как качественное состояние государственно организованного общества, Ю. А. Тихомиров отмечает, что в ней находят свое отражение не только институты публичной власти, но и многообразные факторы неполитического характера: экономический строй общества, социальная, духовная, культурная организация общества, правовая система и т.д. [16]. Как бы обобщая данный подход, М. Чешков рассматривает государственность как государство в его соотношении с социумом [17, с. 30].

Таким образом, роль понятия государственности здесь чисто служебная: с его помощью государство ставится в непосредственное соотношение с цивилизацией, которая выступает в роли основания и критерия его оценки. Причем в зависимости от личной позиции автора по отношению к государству (положительной или отрицательной), а точнее – к политическому режиму (что далеко не одно и то же), можно «подобрать» соответствующий образ цивилизации для того, чтобы подогнать решение задачи под заранее заданный ответ. Так, с конца 1980-х годов, когда волна антикоммунизма в СССР достигла своего пика, «цивилизация» отождествлялась с Западом, на фоне которого советское государство выглядело монструозным.

Соответственно, лозунг возвращения России в цивилизацию в скрытом виде уже содержал в себе отрицательную оценку этого государства и вполне определенный ответ на вопрос: что делать? – «Долой..!». Если же образ цивилизации конструируется на материале русской истории времен ее военно-политического могущества (Иван Грозный, Петр I или какие-то другие персональные знаки победоносной державности), то теперь уже сталинское государство 1945 года объявляется классическим образцом, которому необходимо следовать, конечно, с учетом «исторического опыта» и необходимых поправок от лица «современности». И, надо бы добавить, уголовного кодекса.

Впрочем, цивилизационный подход имеет глубокие истоки в истории политической мысли, восходя к разработанному Аристотелем учению о «правильных» и «неправильных» формах государственного устройства. Он размещал эти формы на противоположных полюсах шкалы, фиксирующей степень соответствия сравниваемого объекта с идеальной мерой – достижение общего блага. Идеализация назначения государства, широко использовавшаяся вождями тоталитарных режимов, сопровождается, как показал исторический опыт, отрывом государства от реальности, от среды существования и его максимальным возвышением над человеческой массой подвластных, отчужденных от основных («естественных») прав и свобод. С одной стороны, это отбрасывает общество вниз по лестнице истории к архаическому типу социальной организации, который Л. Мамфорд назвал Мегамашиной – прототипом государственности деспотического типа [18, с. 220], а с другой, делает учение о государстве и, соответственно, представление о государственности заложником внетеоретических заданий и установок.

Принципиальный недостаток цивилизационного подхода к решению проблемы государственности проявляется в том, что его научное содержание оказывается существенно уязвимым для идеологических искажений, а процесс научного поиска ставится на службу идеологии, используется для выполнения стороннего заказа. Что, собственно, и происходит в последние годы. Чей это заказ – государства, определенной политической силы или даже радикальной внесистемной оппозиции – не имеет значения: в любом случае о научном характере подобных занятий говорить не приходится. Но и системно-структурный подход, несмотря на свой внешне академический стиль, сложился в русле идеологического конструирования, характерного для советского обществознания, взросшего на основе культуры партийности [19, с. 161]. Его смысловой стержень – идея производности государственности как той необходимой основы, которую государство в своем функциональном бытии достраивает и при необходимости перестраивает, чтобы упрочить фундамент государственной власти, придать ей легальный и легитимный характер.

Но помимо существенного влияния со стороны идеологического контекста, оба вышеуказанные подхода, сохранившие генетическую связь с советским обществознанием, разделяют также и устаревшие представления о теоретико-методологическом потенциале и горизонтах институционального анализа, не поднимаясь выше планки, заданной работами первой половины XX века. Согласно этим представлениям, институты – акультурные образования структурно-функционального плана, не имеющие исторического измерения, «равнодушные» к ценностям и, как следствие, разрушительные по отношению к культурной традиции. Они являются инструментом социальной инженерии [20, с. 80, 116–117]. Цель последней – модернизация, которая рассматривается в качестве проекта уничтожения «темного» прошлого и построения будущего, отвечающего универсальным стандартам современности. Исходя из единых представлений о сути институционализма, «структуралисты» и «цивилизаторы», подобно «горожанам-москвичам» и «деревенщикам-почвенникам» в русской литературе 1960–70-х годов, занимают противоположные позиции в оценке его научной значимости и перспективы. Если первые настаивают на благотворности перемен на путях научно-технического прогресса, то вторые указывают на опасные следствия неизбежных при этом повреждений основ народной жизни.

Следует отметить, что само это различие и столкновение позиций имеет историческую природу, что оно возникает и оформляется в определенном историческом контексте и задним числом, как подведение итогов относительно законченного периода. Во-первых, в нем выражается отрицательная оценка сталинского конструирования «национального» социализма в СССР, общая для советской интеллигенции после XX съезда КПСС. Но «структуралисты» и «горожане» видели причины трагедии в чрезмерном национализме социальной и культурной политики сталинского государства, в торжестве люмпенской, малокультурной периферии партии над «ленинским ядром» интеллектуалов-интернационалистов, в то время как «цивилизаторы» и «почвенники» считали эту политику космополитической и противоречащей духу национальной культуры и народному укладу жизни. Во-вторых, это столкновение позиций имело и более глубокие исторические корни: оно подпитывалось культурной матрицей раскола – в виде структурной для бытия русской интеллигенции дихотомии западничества и славянофильства, обостряющейся в периоды навязанного историей выбора («что делать?») и сигнализирующей об отсутствии положительных идей. Идейный вакуум, чреватый угрозой возможного ненаступления будущего, заполняется, как показала русская

литература XIX века (Тургенев, Гончаров, Чехов), бесплодными спорами о несбыточном. Страстность споров – лучшее подтверждение тому, что никто не хотел возврата к прошлому, но как из него выйти? Вопрос для интеллигента почти гамлетовский.

Мы затронули тему социокультурной обусловленности научного познания, поскольку проблемное поле, сложившееся вокруг феномена государственности, в результате идеологического влияния подверглось существенным деформациям, препятствующим, на наш взгляд, адекватной формулировке проблемы. Устранение подобных деформаций – задача, предполагающая использование приемов, сходных с археологией знания М. Фуко. Сразу следует оговориться, что мы используем его идею в самом общем виде, поставив целью провести реконструкцию феномена государственности, очистив его от идеологических наслоений. Вместе с тем, следует избегать другой крайности – идущей от Ф. Бэкона установки на социальную стерильность познания. Подобного рода установка является не просто иллюзорной, она сама есть выражение становящейся социальности определенного типа. Ее онтологический «узел» составляет субъективность, очищенная от всяких культурных и психологических «примесей» – того, что Ф. Бэкон называл идолами сознания.

Помимо общего социокультурного фона, роль которого в развитии науки бэконовского периода подробно разобрал Р. Мертон [21, с. 797–804], большое значение для социальной науки имеют внетеоретические факторы, так или иначе встроенные в структуру познания в качестве социальных «априори». На наш взгляд, современный институционализм представляет собой такую теоретико-методологическую концепцию, в рамках которой эти социальные «априори» меняют свой характер скрытых от мышления установок и становятся осознанными принципами анализа социальной реальности, его рефлектированными началами.

Новая институциональная теория обращается в первую очередь к неформальным институтам, которые представляют собой экспликации убеждений, верований, ценностей, знаний – всего того, что, по словам Д. Норта, составляет культурное наследие, или искусственную структуру, благодаря которой накапливается и передается человеческий опыт. Они образуют фундамент институционального каркаса, задавая масштаб эффективности формальных институтов. С его точки зрения, наиболее важным носителем этой искусственной структуры «…являются все же неформальные ограничения, встроенные в нормы поведения, конвенции и личные кодексы поведения. Формальные правила могут внезапно меняться (в ходе революции, к примеру), неформальные же ограничения изменяются намного медленнее и играют ключевую роль в эволюции организации общества» [22, с. 82]. Д. Норт показал, что грань между институтами и культурой условна, более того, что институты суть не что иное, как обусловленная культурой внутренняя форма (порядок) социальной жизни. Соответственно, формальные институты следует рассматривать как продолжение неформальных: они ограничены в своей конструкции и функционировании не столько волей и умом властного субъекта или находящимся в его распоряжении ресурсным потенциалом, сколько сетью неформальных институтов, образующих базовую рамку их действия и его границу.

Указание на исходную институциональную ограниченность намерений и целей субъекта, произвольности его действий (будто бы имманентная индивиду произвольность – обстоятельство, влияния которого на науку стремился избежать Ф. Бэкон), подводит нас к сути институционализма, к его исходному пункту. Речь идет здесь об автономном индивиде с его естественными правами и свободами. Институционализм – выражение точки зрения, если угодно, жизненная философия индивида, ставящего себя в центр мироздания как единственно полномочного актора социального конструирования, задающего основания, цели и мерку этого процесса. Но (заимствуя оборот у М. Фуко) индивид – это всегда индивиды, он не существует в единственном числе, но всегда среди равных ему «других». И потому он в его же собственных интересах должен быть способен к соглашению с другими, к обмену, включающему и возможность уступок ради достижения согласия. В этом мире согласие как протоформа и как основание, подвижный «цоколь» здания социальности занимает место конститутивного для аристотелевской политии общего блага, которое в современных условиях допускает подмену общего частным (групповым) и возможность идеологических манипуляций от имени общего.

Таким образом, автономия индивида в рамках институциональной теории становится принципом, имеющим внетеоретический, социальный коррелят, что позволяет исследователю занимать социальную позицию, корень которой не частный (личный или групповой) интерес, а теоретически рефлектированное основание, обеспечивающее определенное совпадение (соответствие) между теорией и реальностью, между (истинным) знанием и убеждением. Очевидный с точки зрения нынешней науки «пробел» в прежней методологии анализа государственности – отсутствие человека с его естественными правами и свободами в структуре оснований теории. Неизбежные следствия этого «пробела» – теоретическое оправдание государства-Левиафана и недоверия к человеку, а также сопутствующая этому предельная идеологизация науки о государстве. Новая социальная позиция исследователя, заключающаяся в признании естественного характера прав и свобод индивида, – фактор, принципиально меняющий горизонт постановки и рассмотрения проблемы государственности, выдвигающий на

передний план положение о первенстве человека перед государством, о служебной роли последнего по отношению к человеку и обществу.

Государственность и государство: основание, основа, обоснованное

Если российская государственность напоминает локковскую tabula rasa, то государство, по большому счету, можно представить в виде кантовской вещи-в-себе. Во-первых, потому, что оно окружено завесой тайны: ни гражданам, ни самим «государственным людям», его служащим, ни науке не доступно достоверное знание о внутреннем *устройстве* государственной *машины* и механике ее работы. Во-вторых, в силу скрытого от нас самих сакрального отношения к государству. Источник сакрального отношения современных россиян к государству, вопреки расхожим представлениям, – не религиозная традиция, получившая осмысление и светское выражение в виде карамзинской идеи народного характера романовской монархии, а затем уваровской формулы «православие-самодержавие-народность». Решающую роль в сакрализации образа государства сыграло формирование светской религии политического толка, характерной для тоталитарных режимов XX века. С точки зрения Э. Джентиле, способствуя сакрализации политики, такая религия «утверждает абсолютный примат нации как этнически гомогенного органического сообщества, иерархически организованного в корпоративное государство с воинствующей миссией добиться могущества, власти и завоеваний с конечной целью создать новый порядок и новую цивилизацию» [23], цивилизацию транснационального масштаба. Одной из манифестаций подобного рода проектов является, например, «Русский мир».

Очевидно, что никакое реальное государство не может отвечать идеалу. Сакральный образ государства двоится в общественном сознании: идеальное государство существует исключительно в ритуальной сфере культовых практик, в «пространствах ликования» (М. Рыклин); в повседневности же граждане имеют дело с заведомо «плохим» государством. При этом оценки государства со стороны граждан поверхностны, ситуативны, то есть «привязаны» к тому или иному событию, факту или лицу, и имеют априорно отрицательный характер. Есть какое-то созвучие между дозволенным в рамках бахтинского карнавала осмеянием святынь и распространенным ныне массовым «поруганием» сакрализованного государства, «опрокидываемого» в область социального «низа», в повседневность. Роль медиума между миром должного (идеальное государство) и реальностью, надвое расколотой онтологически предрешенным, принципиальным противостоянием «плохого» государства и подвластного ему населения, играет институт президента. За этой политико-правовой конструкцией скрывается образ обожествляемого вождя – один из сакральных символов политической религии. Образ вождя вбирает в себя, сохраняет утрачиваемую государством в его повседневном существовании сакральную оболочку и компенсирует эту утрату, примиряя население с государством и системой правления. Расщепление образа государства на две составляющие – «плохое» (реальное) государство и государство идеальное, феномен и ноумен в терминологии Канта – усиливает напрашивающееся сходство государства с вещью-в-себе.

Все это вместе взятое придает государству характер чего-то трансцендентального, предшествующего нашему взгляду на него и, более того, предопределяющего механику конструирования наших представлений о государстве, как обыденных, так и научных. Именно поэтому государство и государственность являются предметами, малодоступными для научного анализа, изначально замкнутого в феноменологическом пространстве отрицательно-оценочных констатаций. Альтернативой феноменологизму обыденной точки зрения («здравого смысла» гегелевского лавочника из статьи «Кто мыслит абстрактно?») остаются нормативные конструкции идеологического происхождения. Отрицательные определения, как правило, обманчивы, за исключением тех случаев, когда их предметом является бесконечное, или трансцендентное. Это так называемые апофатические определения абсолюта. Гегель не случайно начинает свою «Науку логики» с утверждения о тождественности абсолютного бытия и ничто [24, с. 140]. Отрицательные же определения реально существующих, конечных вещей, к числу которых относится и государство, дают только социально-психологическую иллюзию понимания, фиксируя несовпадение между должным и реальным в действиях государства, причем, как несовпадение ожидаемое.

Но общее правило допускает исключения. Существуют, по крайней мере, ряд условий, при наличии которых отрицательно-оценочный подход может стать исходным пунктом для *критического* исследования феномена государства. Критического в кантовском смысле этого слова, который понимал под критикой не демонстрацию негативных сторон предмета, а его *мыслящее* рассмотрение – категориальное рассмотрение в *понятиях*. Есть оценки и оценки. Так, в одном исследовании Левада-Центра последних лет было выявлено, что ведущее место в иерархии ценностей, разделяемых массовым человеком, занимают ценности частной жизни – семья, личная безопасность, материальный достаток, надежные друзья – в противовес ценностям публичного, государственного существования. По мнению авторов исследования, крен массового сознания

в сторону партикулярного, отчуждение от государства есть не что иное, как результат «…массовой адаптации населения к многолетней, охватывающей несколько поколений, репрессивной практике государственного управления, тотальному контролю и государственной организации любых сторон жизни, административному произволу, то есть не имеющего других социальных ресурсов выживания, кроме солидарности "своих"» [25, с. 17]. Проступающее здесь взаимно отрицательное отношение между частным и государственным, показывает, что в социальном пространстве существуют или, по крайней мере, складываются островки автономии индивидов, могущие стать точкой опоры для относительно самостоятельной позиции по отношению к государству и обволакивающей его идеологической атмосфере и, соответственно, более или менее беспристрастного взгляда на государство. Как нам кажется, в данном случае речь идет не только об усталости российского человека от репрессивной политики государства, которая в новых условиях получает системные выражения «неформального» вида (коррупция, рэкет, поборы, осуществляемые официальными лицами либо криминальными сообществами с активным участием и поддержкой этих лиц), но и о том, что в условиях институциональных перемен, вызванных реформами 1990-х годов, стихийно, как сторона этих процессов, осуществляется деидеологизация частной жизни. Это происходит по мере того, как человек осознает – в качестве жизненного принципа, правила в духе протестантской этики – то обстоятельство, что в этом мире он может и должен рассчитывать в первую очередь на собственные силы и способности и только во вторую – на поддержку со стороны, государственную или людскую. Еще одно условие возможности критического мышления – свобода, ставшая онтологическим началом человеческого существования, его безусловным принципом. Не осознание необходимости (границ возможного), не стремление расширить пределы своей воли, а чувство собственного достоинства – основное содержание этой свободы. Экзистенциальное переживание свободы – факт скорее внутренней, нежели социальной, жизни человека, исходный пункт его нравственного самоопределения. Сформированные в русле сталинистской идеологии культура и поведенческий хабитус оставили нам в наследство отношение к морали как чему-то вторичному, как симптому несправедливости социального устройства, оцениваемой к тому же с классовой точки зрения. Поэтому нам трудно поверить, что моральные основания поступков могут быть надежнее внешних стимулов, а чувство человеческого достоинства – важнее материальных или социальных благ.

На наш взгляд, предварительный анализ внетеоретических факторов исследования является первым шагом в концептуально-методологической реконструкции феноменов государства и государственности, освобождения их «образов» от многослойных отложений, порожденных идеологическим конструированием базовых социальных категорий, культурными ритуалами политической религии и повседневно-массовыми социальными техниками выживания любой ценой. Это позволяет рассмотреть государство в более широкой рамке, включающей в себя культурное и историческое измерения, и в той перспективе, в которой раскрываются его действительная связь и соотношение с государственностью. Первые шаги отечественных историков в указанном направлении быстро дали неожиданные результаты. Так, было поставлено под сомнение принципиальное для марксизма положение о неразрывной связи государства и цивилизации, которое в своей классической работе о происхождении государства сформулировал Ф. Энгельс. Через призму теоретико-методологической конструкции «базис-надстройка» он рассматривал возникновение и существование государства в историческом контексте становления цивилизации, перехода общества от первичной формации (родовое, доклассовое общество) к вторичной (классовой). С его точки зрения, скачкообразный переход от родового строя к цивилизации закономерным образом приводит к возникновению государства: «старое общество, покоящееся на родовых объединениях, взрывается… его место заступает новое *общество, организованное в государстве*» [26, с. 26, 173, курсив наш – *авт.*].

Отмечая наличие сложноорганизованных безгосударственных политий в исторических рамках цивилизации [27, с. 37–39], современная наука по-новому ставит вопрос о социальной эволюции, ее альтернативных путях, механизмах и моделях. Критический анализ научной литературы советского периода по истории государственности в Древней Руси, проведенный в работах И. Я. Фроянова и А. Ю. Дворниченко [28; 29], показал во многом искусственный характер концептуальных построений, основанных на модели «базис-надстройка», произвольное обращение с фактическим материалом, подгоняемого под методологически заданную схему, нежелание и неумение учитывать влияние культурных, религиозных, социально-психологических факторов и полное незнакомство с современной, по преимуществу немарксистской, литературой по этим вопросам. Опираясь на историографию вопроса о возникновении древнерусской государственности, А. Ю. Дворниченко, в частности, приходит к выводу, что становление государства является только частью процесса политогенеза, что не экономика, а политика играет в этом процессе решающую роль [30, с. 7–8]. И нам представляется, что именно в области политогенеза, т.е. формирования и функционирования политии (политической системы, союза, объединения) следует искать решение проблемы российской государственности.

Суть предлагаемого подхода заключается в том, чтобы представить государство как структурно-функциональную проекцию какого-то другого предмета или процесса, как его материализованную функцию, ведущую относительно самостоятельное существование в виде обособленного образования. Это – отношение обоснованного и его основы; в рамках этого отношения обоснованное (государство) выступает как производное, имеющее «природу» («сущность») вне себя. Иметь основание, писал Гегель, значит существовать как *положенное* [см.: 31, с. 72]. Но из этого следует, что то существенное (идущее от основания-сущности), что *представлено* в обоснованном (как положенном), затемняется (искажается) сторонними воздействиями. Согласно Гегелю, основание получает вид основы, или «внешнего основания», когда в обоснованном к содержанию, порождаемому внутренним (генетическим) основанием, присоединяются привнесенные, чужеродные «многие» и «разные» содержания со стороны. «Вот почему то, что́ в основанном еще присоединяется к этой простой *сущности,* есть лишь несущественная форма, внешнее определение содержания, которые как таковые свободны от основания и составляют непосредственное многообразие» [31, с. 92].

Если государство – это обоснованное, то что в таком случае представляет собой основа? Забегая вперед, сразу уточним, что основа – не искомая государственность, но нечто, возникающее вместе и одновременно с государством и специфическим образом опосредствующее соотношение и связь между государством и государственностью как его генетическим основанием. Основа – это *расширенное, дополненное и трансформированное* основание, расширенное за счет присоединения к исходному основанию-сущности заимствованного в процессе функционирования чужеродного многообразия. Рассматривая зарождение европейского государства Нового времени, М. Фуко показывает, что оно является «…конкретной формой нового искусства управлять, упорядочиваемого принципом государственных интересов. … Государство вовсе не есть естественно-историческая данность, которая развивается в своей собственной динамике..; государство… коррелятивно определенному способу управлять» [32, с. 18–19]. Управление публичными делами в соответствии с определенными государственными интересами – такова основа государства как обоснованного. Это способ функционирования государства, в ходе которого происходит расширение, дополнение и трансформация, одним словом, видоизменение его исходного основания. Отсюда вытекают два следствия. Во-первых, основа возникает вместе с обоснованным, являясь его функциональной опорой и границей возможного. Во-вторых, присоединяя к себе стороннее многообразие, обоснованное тем самым оттесняет генетическое основание-государственность за пределы актуального функционирования, замещает его основой как функциональным (внешним) основанием. Иными словами, появление государства запускает в действие своеобразный механизм вытеснения-замещения, когда в итоге место генетического основания-государственности занимает его функциональный двойник.

Ментальную сторону основы образует комплекс представлений государства (политической элиты) о государственности, то есть о своем назначении – исторической роли и функциях по отношению к обществу и миру, urbi et orbi. Это – самосознание (ментальность) государства, которое оно предъявляет обществу и отрядам государственных «людей» в виде (1) государственной этики – например, этики служения Отечеству, (2) традиций, ритуалов и символов, специфической культурной среды, (3) исторического предания, мифа, (4) национальной идеи. Государство в своей деятельности опирается именно на этот комплекс представлений, который, на наш взгляд, не следует отождествлять с идеологией, потому что государственная ментальность с той или иной степенью отчетливости артикулирует долговременные государственные интересы, тогда как идеология – частные, групповые, классовые – *партийные* (от лат. *pars* – часть), в основном, текущего порядка. Конечно, любая идеология содержит в себе претензию на полномочное представительство национальной идеи и исчерпывающую трактовку интересов государства, но эта претензия – не что иное, как попытка выразить основную тему в одной-единственной вариации.

Таким образом, основа государства имеет функциональный и динамический характер. В ее состав входит как управление публичными делами в соответствии с интересами государства, так и государственная ментальность, на которую это управление опирается в стратегическом (идейном и концептуальном) плане. Непроизвольным следствием текущей практики управления является расширенное воспроизводство основы, непрерывно пополняемой за счет переработки «чужеродного многообразия». Этот материал, сырье для самообновления государственной машины заимствуется из внешней и внутренней среды, в которой существует государство: это другие государства на международной арене, во-первых, и требующие регулирования процессы в обществе, во-вторых. Результатом же переработки является усвоение зарубежного опыта, идейно-ценностные, институциональные, организационные и технологические новации в устройстве и работе государственной машины. И тем самым основа государства и само государство видоизменяются с каждым крупным переломом, очередной волной внешних влияний и, соответственно, заимствований и новаций.

В свете нашего опыта перестройки и радикальных реформ первой половины 1990-х годов надо отметить

серьезное воздействие, которое оказывает на основу государства и его деятельность внутренняя среда, во многом спонтанно происходящие перемены в социальной, экономической и культурной жизни общества. Следствием этих перемен могут стать не только принципиальное изменение государственного устройства, но и заражение государственного организма социальными «болезнями». Системным проявлением этой патологии в настоящее время является коррупция – сигнал, свидетельствующий о резком, может быть, даже принципиальном противоречии между современным российским государством и его основой, с одной стороны, и государственностью, с другой. И это противоречие заставляет нас по-новому взглянуть на проблему государственности.

Проблема государственности в свете новой парадигмы социальной эволюции

В современной науке выделяются четыре исторических формы организации власти, *хронологически* предшествующие государству: племена без правителей, вождества, империи и город-государство (полис) [33, с. 12]. Перечисляя их, М. В. Ильин, например, подчеркивает, что эти и подобные им образования являются более простыми, нежели государство, формами, которые *эволюционно* предшествуют ему [34, с. 187–188]. Иными словами, понятие государственности фиксирует нечто общее, в той или иной мере присущее всем этим формам: «для совокупного осмысления как государства (современного, территориального, суверенного, конституционного и т.п.), так и предшествующих ему эволюционных форм разумно использовать понятие *государственность* – относительно жестко закрепленные **институциональные основы** политических систем, своего рода рамка, или костяк, обеспечивающая **структурное единство** и **целостность** несравненно более широкой, разнообразной и подвижной политии» [34, с. 187].

Но как свести в одном уравнении несравнимые величины – высшее и низшее? Распространенным является логический прием, который можно характеризовать как современный номинализм: государственность есть общее имя всех этих форм, знак, не имеющий какого-то дополнительного значения. Это – понятие-имя, не имеющее собственного предметного содержания; оно только указывает на некоторую область применения. Его назначение – функционально-методологическое: с его помощью сводится в совокупность ряд форм организации власти и выстраивается их историческая последовательность, иерархия, венчаемая государством. В государстве государственность находит полное, завершенное воплощение и этим исчерпывает свое назначение, превращаясь в синоним государства, растворяясь в нем. В этом-то пункте и обнаруживается, что у понятия государственности все-таки есть собственное содержание – государство. Государственность «беременна» государством, и оно «рождается» как высшая и последняя ступень эволюции форм организации власти. Но на ступенях, предшествующих государству, это содержание существует потенциально, как объективная цель эволюции – образец, задающий направление последующего развития той или иной исторической формы и телеологически детерминирующий его эволюцию в заданную сторону. Понятием государственности охватываются различные формы в той мере, в какой они заключают в себе «зародыш» государства и способны эволюционировать по направлению к нему. И тогда эволюция государственности напоминает матрешку: снимая шаг за шагом очередную недоразвитую форму-оболочку, эволюция в конечном пункте открывает «подлинную» форму, тождественную сущности и схватываемую в понятии государства.

Суть этой логической процедуры можно выразить, перефразируя Маркса: понятие государства исчерпывает содержание государственности и потому является ключом к исследованию ее низших форм. Насколько широко распространена подобная трактовка соотношения государственности и государства? Мы уже отмечали выше, что существующие в современной литературе подходы исходят из положения о служебной роли понятия государственности по отношению к государству. Такой взгляд на их соотношение вытекает из представлений о социальной эволюции как линейном прогрессе, воспроизводящих дух не только дарвиновской модели (биологической) эволюции, но и гегелевской философии истории, согласно которой существует магистральное направление мирового развития как восходящего движения от простого к сложному. В процессе этого движения совершается отбор, отделяющий исторические народы, находящиеся на тех или иных ступенях цивилизации (восточный, античный и западный миры как последовательно сменяющие друг друга стадии всемирной истории) от всех прочих, продолжающих влачить этнографическое существование на дальних или близких подступах к цивилизации, остающихся в состоянии дикости или варварства.

Эти представления находятся в серьезном противоречии с современной парадигмой социальной эволюции. Она предполагает отказ от тупиковой дилеммы однолинейности и многолинейности, заключающей многообразие эволюционных процессов в тесные границы евклидова пространства, «равнодушного» к изменениям во времени. Действительной альтернативой линейным моделям становятся нелинейные представления, рассмотрение социальных процессов в многомерном пространстве. «Имеет смысл говорить не о линиях эволюции, а о непрерывном эволюционном поле. …Переход к более адекватному пониманию

социоэволюционных процессов может быть достигнут, на наш взгляд, через отказ как от однолинейных, так и от многолинейных схем социальной эволюции и через последующую разработку ее нелинейных моделей» [27, с. 75]. Новая парадигма социальной эволюции складывается под непосредственным влиянием синергетики, получившей в последнее время статус универсальной теории эволюции. Новая парадигма ставит во главу угла необратимость времени как фактор, обусловливающий открытый характер сложных неравновесных систем, их способность к самоорганизации [35, с. 272, 357]. В соответствии с этим трансформируется фундаментальная для теории эволюции проблема направленности развития. Взятая в горизонтальном измерении, применительно к (евклидову) пространству, она формулировалась в виде дилеммы одно- или многолинейности. Теперь же, сквозь призму постулата необратимости времени, направленность развития – это не что иное, как различие между прошлым и будущим состояниями системы, «распознаваемое» самой системой; различие, являющееся онтологическим условием становления новых уровней (само)организации. Переход от одного состояния к другому (через точку бифуркации) предполагает, в противоположность классической науке, определяющую и позитивную роль случайности и повышенную чувствительность такого рода систем даже к незначительным изменениям условий развития в силу его неравновесного характера.

Поэтому можно высказать предположение, что различные формы организации власти не сменяют друг друга в ходе эволюции, а представляют собой типы реакции тех или иных обществ на вызовы внутренней и внешней среды. Это формы их приспособления к реальности, ее требованиям и условиям. Несходства и своеобразие этих форм объясняются как различиями в исходных условиях эволюции каждого общества, так и ролью разного рода случайностей. Надо добавить, что эти формы крайне редко существуют изолированно от других. В основном они существуют рядом с другими, в области перекрестного влияния, а также могут порождать смешанные образования – мультиполитии, порой достаточно устойчивые. К их числу относится бóльшая часть империй доиндустриальной эпохи [27, с. 42–44]. Надо отметить, что близкий к синергетике подход к эволюции сложился в 20–30-ые годы XX века в рамках русского дарвинизма. Речь идет о теории биологического прогресса А. Н. Северцова, который, выделяя несколько путей приспособления видов: ароморфоз, идиоадаптацию и дегенерацию, подчеркивал их функциональную равноценность с точки зрения генеральной задачи биологической эволюции [36, с. 81, 91].

Исходя из этого, мы считаем, что понятие государственности не есть просто общее наименование исторически существовавших форм организации власти, указывающее на их включенность в последовательный ряд ступеней, ведущих к появлению государства, но имеет относительно самостоятельное содержание. Это не означает, что государственность существует помимо этих форм, рядом с ними, как отдельное образование. Она существует как нечто включенное в состав любой из своих исторических форм, но существует специфическим образом – как институциональная инфраструктура. Мы вслед за М. В. Ильиным считаем, что феномен государственности имеет институциональную природу, но выступает она не в виде, как он пишет, *жестко закрепленной основы и костяка* политии, то есть *структуры*. В роли такого «костяка» выступает государство и функционально сходные с ним образования (полис и пр.). Государственность же представляет собой именно *инфраструктуру* государства и его функциональных аналогов.

Из самого определения инфраструктуры – составные части общего устройства (политической) системы, которые имеют подчиненный и вспомогательный характер и обеспечивают нормальное функционирование системы в целом, – следует, что государственность не совпадает с государством, полисом или какой-то другой формой-«костяком», а локализована вне того, другого и третьего, оставаясь вместе с тем в рамках «несравненно более широкой, разнообразной и подвижной политии» (М. В. Ильин). Подчиненный и вспомогательный характер частей, составляющих инфраструктуру, не означает, что они являются чем-то второстепенным, малозначительным. Тот факт, например, что образование входит в инфраструктуру экономики как ее составная часть, не умаляет его значения в жизни общества, не исключает многих других его социальных функций – по отношению к науке, культуре, религии, политике, управлению, формированию и развитию личности, причем, функций не менее важных, чем обеспечение функционирования экономики. Государственность как институциональная инфраструктура – это фундамент здания государства (полиса и т.п.).

Что входит в состав государственности? Это вопрос, связанный по преимуществу с историческим исследованием генезиса и эволюции форм организации власти, начиная от племен без правителей и заканчивая государством, и теоретической обработкой накопленного эмпирического материала. Но есть два момента, требующие концептуального рассмотрения. Первое – это условия формирования власти как социальной силы, которая способствует становлению нового институционального порядка – основы для консолидации общества и мобилизации ресурсов для решения стратегически важных задач существования и развития общества. Появление власти – граница, по ту сторону которой остается разрушительное взаимное столкновение социальных стихий – состояние, которое Гоббс назвал

«войной всех против всех». Это состояние возникает вследствие распада родовых структур; его примером может служить то «нестроение» в будущей Новгородской земле, которое разрешилось, согласно летописям, призванием варяжского князя Рюрика. При всей спорности приведенного известия, как и гоббсовского предположения (оно – результат мысленного эксперимента, теоретической реконструкции переломного момента), это дает возможность указать «событие», которое можно считать негативным началом социальной эволюции. Высвобождение индивидов из-под регулирующего воздействия родовых структур, хаотическое столкновение индивидуальных, семейных, групповых интересов и целей рождает новый, неизмеримо более высокий (по сравнению с родовым укладом) потенциал социальной энергии, одним из проявлений которого явилась потестарность. Все это создает почву для новой социальной организации, но почву чрезвычайно динамичную, подвижную, конфликтогенную и требующую адекватных инструментов регулирования. Мы говорим о негативном начале социальной эволюции, чтобы подчеркнуть непроизвольный, во многом случайный характер социальной эволюции в исходном пункте. Ее первым шагом стал своеобразный социобиологический отбор сообществ, сумевших использовать новый потенциал в целях совместного выживания.

Позитивное начало социальной эволюции – появление власти. Это событие, во многом сходное с появлением орудия труда. Если техника инструментальная стала средством покорения предками человека стихийных сил природы, то социальная техника – это средство, с помощью которого люди берут под контроль действие социальных стихий, используют новый потенциал для решения общих задач [37, с. 14–15]. На наш взгляд, государственность возникает в качестве протоформы социальной техники, которая определяет круг ее (техники) основополагающих функций. Одна из них – не просто обуздание социальных стихий, но противодействие потестарности [34, с. 188]. Вместе с тем государственность – только основание; над ним надстраиваются институты и структуры, обеспечивающие контроль социальной энергии (ресурсов) и ее позитивную реализацию и в своей совокупности образующие ту или иную форму организации власти (государство, полис и др.).

Это – характеристика государственности с формально-технической стороны. Со стороны же содержания (и это второй из моментов, требующих концептуального обсуждения) мы должны ответить на вопрос – какие институты образуют базовый минимум государственности? Собственно, этот список невелик: это мораль, религия, право и собственность – те институты, которые традиционно связываются с началом истории, если относить первобытность к предыстории. Этот список не является исчерпывающим, но он вполне достаточен для целей исследования государственности, это именно базовый минимум допущений, оправданность которых можно подтвердить только итоговыми результатами, а не предварительными обоснованиями.

Первоочередная особенность этих институтов, выявляющаяся в их сцеплении друг с другом, – взаиморефлексия, «свечение» каждого из них во всех остальных. Это – принципиальный момент в их соотношении друг с другом, дающий эффект синергии, приводящий к возникновению нового системного качества – цивилизации как ступени развития общества, на которой это развитие получает характер истории. Без подобной синергии эти институты сохранили бы свое прежнее содержание, и никакая их перегруппировка, как в басне Крылова, не дала бы надлежащего ансамбля. Что вызвало неожиданное сцепление указанных институтов, их взаимную рефлексию и, в конечном счете, переход к новому качественному состоянию, к цивилизации? Выбор между потестарностью и (политической) властью, выбор в пользу последней, который был сделан в точке бифуркации, размещенной между позитивным и негативным началами социальной эволюции. В точке, где с одной стороны мы находим (1) кровнородственную связь, служащую матрицей родовой социальности, (2) эгалитарность и поглощение личного начала родовым и (3) потестарность, а с другой – (1) формализованные отношения, (2) автономию и свободу индивида и (3) (политическую) власть, основанную на ее обособлении от собственности, с одной стороны, и личной воли правителя, с другой.

В точке выбора происходит кардинальный сдвиг, результаты которого проявятся через тысячи лет социальной эволюции. Но основные параметры эволюции обществ, переступивших порог цивилизации, сформулированы уже в начале этого процесса, и функцию этого самопрограммирующегося устройства, носителя цивилизационного кода выполняет государственность. Под ее воздействием происходит «размыкание» кровнородственных связей, их вытеснение на нижние этажи социальной организации вертикального типа, приходящей на смену горизонтали родовых эгалитарных структур. Условием возникновения вертикальной организации является «открытие» трансцендентного начала, завершающего иерархическую вертикаль. Это символический центр макросистемы («большого» общества), носитель абсолютного авторитета, подкрепляющий силу действия институтов и придающий им характер социально-нормативного долженствования и новый по сравнению с прошлым смысл.

Так, под его действием формируется абстракция человека, составившая исходный пункт не только новой морали, которая сменяет нравственные представления и ценности, основанные на различении «свой-чужой», но и права, для которого со временем человек

становится высшей целью. На основе этой абстракции в ходе истории складывается идея и феномен гражданина. Перекрестное взаимное воздействие институтов, входящих в состав государственности, и вызывает эволюцию общества. В этом процессе в течение многих тысяч лет возникают все новые и новые феномены, из которых шаг за шагом, постепенно складывается цивилизация.

Значимым аспектом становления цивилизации выступает эволюция исторических форм организации власти, от племенной «безглавой» демократии до государства. Но она (эволюция) не является автономным процессом, который бы направлялся имманентной логикой саморазвития форм организации власти. Всякий раз та или иная форма возникает как ответ общественного организма на состояние и изменения конкретно-исторических условия своего существования, но это ответ, опосредствованный влиянием государственности как институциональной инфраструктуры этой формы, как цивилизационного кода. Поэтому ни одна из этих форм не лучше и не хуже другой, если они обе обеспечивают решение генеральной задачи – существование и развитие общества.

Особого внимания заслуживает вопрос о том, где проходит граница между собственно государственностью и протогосударственностью, а также о том, все ли из известных нам форм организации власти относятся к периоду существования государственности. Появление этих вопросов вызвано тем обстоятельством, что понятие государственности является идеальным типом, фиксирующим необходимые условия и требования (допущения), при которых становится возможным существование конкретной формы организации власти в том или ином обществе. Наложение идеально-типической модели на реальную ткань исторического процесса – процедура, требующая тщательного подбора и разработки (в случае необходимости) новых методологических инструментов, адекватных целям исследования, и постоянной корректировки концептуальных представлений. С нашей точки зрения, государственность выступает в роли аттрактора, задающего относительно устойчивый набор траекторий движения в область, границы которой очерчены параметрами, указанными выше. Протогосударственность же – это состояние, которое локализовано в интервале между негативным и позитивным началами социальной эволюции. Его отличительная черта – равная вероятность путей движения – ароморфоз (вверх), деградация (вниз), идиоадаптация (колебание между границами интервала).

Возвращаясь к вопросу о соотношении государственности и цивилизации, мы хотим уточнить нашу позицию в свете тех критических замечаний, которые делали в статье, отмечая недостатки цивилизационного (культурно-исторического) подхода к проблеме государственности. Безусловно отвергая тезис о неразрывной связи цивилизации с государством, не следует доводить это отрицание до крайности, исключая всякую связь между ними. Мы хотим сказать, что государство не является повивальной бабкой и хранителем цивилизации с первых дней ее появления, но оно, несомненно, возникает и существует только в рамках цивилизации и играет большую роль в становлении ее современной формы – модерна. На наш взгляд, сейчас приобретает актуальность другая идея – о продуктивном взаимодействии цивилизации и государственности. Цивилизация есть некий культурный тип, по отношению к которому государственность выступает формой его индивидуализации, его исторического осуществления в реальных условиях пространства и времени жизни конкретного общества (природная среда, этнический состав населения, торговые пути и соседи, культурные влияния и источники, характер переживаемой эпохи). Это не означает, что цивилизация в хронологическом или структурно-логическом отношении предшествует государственности. Напротив, именно историческое развертывание государственности, контакты и обмены между различными обществами («государственностями») обусловливают становление и развитие цивилизации, которая по отношению к отдельным обществам («государственностям») выступает в виде культурного арсенала, аккумулирующего результаты их самобытного развития в качестве совместного достояния.

С этой точки зрения государственность – явление исторического порядка. Во-первых, она образует ту «красную нить» преемственной связи, которая соединяет в одно целое разновременные пласты истории данного общества – прошлое, настоящее и будущее, способствуя тем самым сохранению национально-культурной идентичности и предохраняя общество от резких зигзагов в ходе его развития. Во-вторых, государственность как составная часть цивилизации может плодотворно существовать и развиваться только в непрерывном диалоге и обмене в области культуры, политики, экономики с соседними обществами («государственностями»). Автаркия, тенденция к самоизоляции и замыканию общества внутри себя, как показал опыт истории, ведет к деградации государственности, ее попятному движению к деспотизму, к возрождению потестарности и прямому или скрытому разрушению основ цивилизации в стране.

В нашей истории есть два наглядных примера тому – Иван Грозный и Сталин. Первого из них Карамзин назвал «исполином бесчеловечия», поставив его в один ряд с Калигулой и Нероном – «извергами вне законов, вне правил и вероятностей рассудка…» [38, с. 467, 508–509]. Второй еще ждет своего историка.

Литература:

1. Дубин Б. Историческая память и особый путь // Общая тетрадь. Вестник Московской школы гражданского просвещения. 2014. № 23 (65). С. 36–41.
2. Нравственное государство как императив государственной эволюции: Материалы Всеросс. науч. конф., 27 мая 2011 г., Москва / Центр пробл. анализа и гос.-упр. проект. М.: Научный эксперт, 2011. 504 с.
3. Фурсов А. И. Русская власть, Россия и Евразия. Великая Монгольская держава, самодержавие и коммунизм в больших циклах истории // Русский исторический журнал. 2001. Т. IV. № 1–4. С. 15–114.
4. Пивоваров Ю. С. Русская политика в ее историческом и культурном отношениях. М.: РОССПЭН, 2006. 168 с.
5. Дубовцев В. А., Розов Н. С. Природа «Русской власти»: от метафор к концепции // Политические исследования. 2007. № 3. С. 8–23.
6. Ковалев В. А. «Русская система»: фантастический вариант // Россия и современный мир. 2006. № 1(50). С. 40–60.
7. Ахиезер А. С., Клямкин И. М., Яковенко И. А. История России: конец или новое начало? / 2-е изд,, испр. и доп. М.: Новое издательство, 2008. 464 с.
8. Якунин В. И. Россия – это государство-цивилизация // Русский мир Запорожья: информационно-аналитический портал [электронный ресурс]. URL: http://rusmirzp.com/2012/09/28/category/society /3479 (дата обращения 12.07.2014)
9. Мамут Л. С. Гражданское общество и государство: проблема соотношения // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 94–103.
10. Авакьян С. А. Практика российской государственности [электронный ресурс]. URL: www.xserver.ru/user/prrsg/ (дата обращения 26.03.2015).
11. Венгеров А. Б. Теория государства и права. М.: Юриспруденция, 2000. 528 с.
12. Бачило И. Л. Факторы, влияющие на государственность // Государство и право. 1993. № 7. С. 21–30.
13. Василенко А. В. Политологический подход к исследованию государства [электронный ресурс]. URL: http://conference.rsuh.ru/vasilenko.htm (дата обращения 26.03.2015).
14. Левакин И. В. Современная российская государственность: проблемы переходного периода // Государство и право. 2003. № 1. С. 5–17.
15. Лукьянова Е. А. К вопросу о специфике российской государственности // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2002. № 1. С. 13–35.
16. Тихомиров Ю. А. Государство: развитие теории и общественная практика // Правоведение. 1999. № 3. С. 3–14.
17. Чешков М. Государственность как атрибут цивилизации: кризис, угасание или возрождение? // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 1. С. 28–40.
18. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. М.: Логос, 2001. 408 с.
19. Гордон А. В. Культура партийности и опыт советского историознания // Россия и современный мир. 2009. № 3. С. 160–180.
20. Капустин Б. Г. Современность как предмет политической теории. М.: РОССПЭН,1998. 308 с.
21. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.
22. Норт Д. Понимание процесса экономических перемен. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. 256 с.
23. Джентиле Э**.** Фашизм, тоталитаризм и политическая религия: определения и критические размышления над критицизмом интерпретации [электронный ресурс]. URL: http://gefter.ru/archive/10519 (дата обращения 03.02.2015).
24. Гегель. Наука логики. В 3-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1970. 501 с.
25. Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Постсоветский человек и гражданское общество. М.: Московская школа политических исследований. 2008. 96 с.
26. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // Сочинения, 2-е изд., Т. 21. М.: Политиздат, 1961. С. 23–178.
27. Коротаев А. В., Крадин Н. Н., Лынша В. А. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // Альтернативные пути цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 24–83.
28. Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства древней Руси. Л.: изд-во ЛГУ, 1988. 269 с.
29. Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. СПб.: Златоуст, 1995. 704 с.
30. Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.: Евразия; М.: ИД Клио. 2014. 560 с.
31. Гегель. Наука логики. В 3-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1971. 248 с.
32. Фуко М. Рождение биополитики. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
33. Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. 544 с.
34. Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: РОССПЭН, 1997. 432 с.
35. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
36. Северцов А. Н. Главные направления эволюционного процесса. Морфобиологическая теория эволюции. М.: изд-во МГУ, 1967. 201 с.
37. Скоробогацкий В. В. Социокультурный анализ власти. Екатеринбург: Уральская академия государственной службы, 2002. 288 с.

38. Карамзин Н. М. История государства Российского: XII томов в 4-х книгах. Книга 3. Т.VII-IX. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1998. 592 с.

References:

1. Dubin B. The historical memory and a special way // Writing book. Vestnik Moskovskoi shkoly grazhdanskogo prosveshcheniya. 2014. № 23 (65). P. 36–41.
2. The moral state as an imperative of the state evolution: proceedings of the All-Russian scientific conf., on May 27, 2011, Moscow / Center probl. analys. i gos.-upr. proekt. M.: Nauchnyi ekspert, 2011. 504 p.
3. Fursov A. I. Russian power, Russia and Eurasia. Great Mongolian power, autocracy and communism in large cycles of history // Russkii istoricheskii jurnal. 2001. V. IV. № 1–4. P. 15–114.
4. Pivovarov Yu. S. The Russian politics in its historical and cultural aspects. M.: ROSSPEN, 2006. 168 p.
5. Dubovtsev V. A., Rozov N. S. The nature of the "Russian power": from metaphor to concept // Politicheskie issledovaniya. 2007. № 3. P. 8–23.
6. Kovalev V. A. The "Russian system": a fantastic option // Russiya i sovremennyi mir. 2006. № 1 (50). P. 40–60.
7. Akhiezer A. S., Klyamkin I. M., Yakovenko I. A. The history of Russia: the end or the new beginning? / 2nd ed, rev. and add. M.: Novoe izdatelstvo, 2008. 464p.
8. Yakunin V. I., Russia – is a state-civilization // Russki mir Zaporozhya: information-analytical portal [e-resource]. URL: http://rusmirzp.com/2012/09/28/category/society/3479 (date of reference 12.07.2014).
9. Mamut L. S. Civil society and state: the balance problem // Obshchestvennye nauki i sovremennost. 2002. № 5. P. 94–103.
10. Avakyan S. A. Practice of the Russian statehood [e-resource]. URL: URL: www.xserver.ru/user/prrsg/ (date of reference 26.03.2015).
11. Vengerov A. B. The theory of state and law. M.: Jurisprudencia, 2000. 528 p.
12. Bachilo I. L. Factors affecting statehood //Gosudarstvo i pravo. 1993. № 7. P. 21–30.
13. Vasilenko A. V. Political approach to researching state [e-resource]. URL: http://conference.rsuh.ru/vasilenko.htm (date of reference 26.03.2015).
14. Levakin I. V. Modern Russian statehood: problems of transition period // Gosudarstvo i pravo. 2003. № 1. P. 5–17.
15. Lukyanova E. A. On the issue of specifics of the Russian statehood // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki. 2002. № 1. P. 13–35.
16. Tikhomirov Yu. A. State: theory development and social practice // Pravovedenie. 1999. № 3. P. 3–14.
17. Cheshkov M. Statehood as a symbol of civilization: crisis, decline or rebirth? // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 1993. № 1. P. 28–40.
18. Mumford L. Myth of the machine: technics and human development. M.: Logos, 2001. 408 p.
19. Gordon A. V. The culture of party-membership and the experience of the Soviet history studies // Russiya i sovremennyi mir. 2009. № 3. P. 160–180.
20. Kapustin B. G. Modernity as a subject matter of political theory. M.: ROSSPEN, 1998. 308 p.
21. Merton R. Social theory and social structure. M.: AST, 2006. 873 p.
22. North D. Understanding the process of economic change. M.: GU-VSHE, 2010. 256 p.
23. Gentile E. Fascism, totalitarianism and political religion: definitions and critical reflection on criticism of an interpretation [e-resource]. URL: http://gefter.ru/archive/10519 (date of reference 03.02.2015).
24. Hegel. Science of logic. In 3 v. V. 1. M.: Mysl, 1970. 501p.
25. Gudkov L. D., Dubin B. V., Zorkaya N. A. The post-Soviet person and civil society. M.: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovanii. 2008. 96 p.
26. Engels F. Origin of the Family, Private Property and the State in connection with the studies of Lewis H. Morgan // Works, 2nd ed., V.21. M.: Politizdat, 1961. p. 23–178.
27. Korotaev A. V., Kradin N. N., Lynsha V. A. Alternatives to social evolution (opening remarks) // Alternative ways of civilization. M.: Logos, 2000. P. 24–83.
28. Froyanov I. Ya., Dvornichenko A. Yu. City-states of ancient Russia. L.: izd-vo LGU, 1988. 269 p.
29. Froyanov I. Ya. Ancient Russia. Experience of researching the history of social and political struggle. SPb.: Zlatoust, 1995. 704 p.
30. Dvornichenko A. Yu. Mirrors and chimeras. On the formation of the ancient Russian state. SPb.: Evrazia; M.: ID Klio. 2014. 560 p.
31. Hegel. Science of logic. In 3 v. V. 2. M.: Mysl, 1971. 248 p.
32. Foucault M. The birth of biopolitics. SPb.: Nauka, 2010. 448 p.
33. M. van Creveld. The rise and decline of the state. M.: IRISEN, 2006. 544p.
34. Ilyin M. V. Words and meanings. The experience of describing key political concepts. M.: ROSSPEN, 1997. 432 p.
35. Prigogine, Stengers I. Order out of chaos: man's new dialogue with nature. M.: Progress, 1986. 432 p.
36. Severtsov A. N. Main directions of evolutionary process. Morpho-biological theory of evolution. M.: izd-vo MGU, 1967. 201 p.
37. Skorobogatsky V. V. Socio-cultural analysis of power. Ekaterinburg: Uralskaya akademiya gosudarstvennoi sluzhby. 2002. 288 p.
38. Karamzin N. M. The history of the Russian state: XII volumes in 4 books. Book 3. V.VII-IX. M.: RIPOL KLASSIK, 1998. 592 p.